

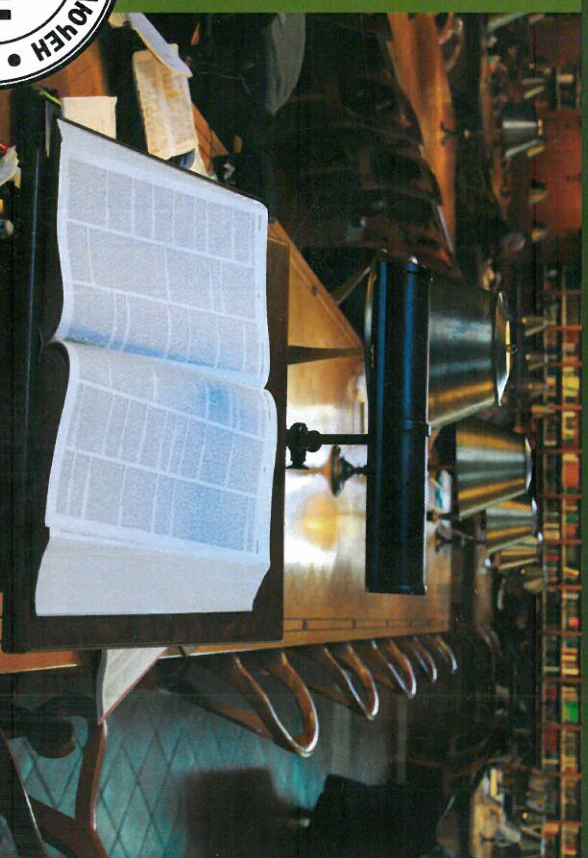

СИБАК
www.sibac.info

ISSN 2309-3358
9 772309 335541

СБОРНИК СТАТЕЙ ПО МАТЕРИАЛАМ XXXV МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

**В МИРЕ НАУКИ И ИСКУССТВА:
ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ,
ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ
И КУЛЬТУРОЛОГИИ**

№ 4 (35)

г. НОВОСИБИРСК, 2014

**В МИРЕ НАУКИ И ИСКУССТВА:
ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ,
ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ
И КУЛЬТУРОЛОГИИ**

*Сборник статей по материалам
XXXIV международной научно-практической конференции*

№ 4 (35)
Апрель 2014 г.

Издается с мая 2011 года

Новосибирск
2014

УДК 008+7.0+8
ББК 71+80+85

В59

Ответственный редактор: Гулин А.И.

Председатель редакционной коллегии:

Гридова Елена Валерьевна — д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой отечественной филологии и прикладных коммуникаций Череповецкого государственного университета.

Редакционная коллегия:

Бердникова Анна Геннадьевна — канд. филол. наук, рецензент НП «СибАК»;

Павловец Тамьяна Владимировна — канд. филол. наук, рецензент НП «СибАК»;

Карпенко Виталий Евгеньевич — канд. филос. наук, доц. кафедры философии и социологии Суевского государственного педагогического университета им. А.С. Макаренко;

Кривошей Ирина Михайловна — канд. искусствоведения, проф. кафедры камерно-инструментального искусства Уфимской государственной академии искусств им. Загира Исмагилова.

В 59 В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии / Сб. ст. по материалам XXXV междунар. науч.-практ. конф. № 4 (35). Новосибирск: Изд. «СибАК», 2014. 190 с.

Учредитель: НП «СибАК»

Сборник статей «В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

ISSN 2309-3358

© НП «СибАК», 2014

Оглавление

Секция 1. Культурология

1.1. Теория и история культуры

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО И РЕЛИГИЯ:
ВОЗМОЖНОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ДИАЛОГА
Сегливанова Елена Сергеевна

7

Секция 2. Языкознание

2.1. Русский язык

Языки народов Российской Федерации

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕННИЙ
В ПОСОБИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ
КАК ИНОСТРАННОМУ ДЛЯ ПРОДВИНУТОГО ЭТАПА
Кацман Евгения Михайловна

13

АРГОТИЗМЫ В РЕЧИ ГЕРОЕВ РОССИЙСКИХ
ТЕЛЕСЕРИАЛОВ
Корачкова Анастасия Олеговна

20

2.2. Германские языки

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СОВЕСТИ В АНГЛИЙСКИХ
ПОСЛОВИЦАХ
Петер Ирина Георгиевна

24

Мкртчян Карина Владимировна
ЯЗЫК И ВРЕМЯ
Болдырева Светлана Ивановна

32

Семенова Елена Павловна
ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ И СИНТАКМАТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОЙ БАНКОВСКОЙ
ТЕРМИНОЛОГИИ
Борсук Людмила Франковна

40

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПЕРСОНАЖЕЙ
В РАССКАЗЕ П.Г. ВУДХАУЗА «КОМАНДУЕТ
ПАРАДОМ ДЖИВЗ» (P.G. WODENHOUSE "JEEVES
TAKES CHARGE")
Захарчук Людмила Николаевна

48

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ НЕМЕЦКОГО
ЯЗЫКА СО ЗНАЧЕНИЕМ «ДОБРО» И «ЗЛО»
Михалкина Виолетта Александровна
Шишин Кирилл Александрович

52

МАРГИНАЛЬНОЕ ПРОСИРИВАНИЕ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ЖИВОТНОМ ЭПОСЕ «РЕЙНКЕ ЛИС» (РОСТОК, 1539 Г.). ПОПЫТКА КЛАССИФИКАЦИИ Цапаева Сабина Юрьевна	160
4.4. Журналистика	169
РЕАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ЖУРНАЛИСТСКИХ ТЕКСТАХ Камзин Какен	169
МЕТОД ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ Кодола Наталья Валерьевна	177

СЕКЦИЯ 1.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

1.1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО И РЕЛИГИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ДИАЛОГА

Селиванова Елена Сергеевна

*аспирант Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина,
РФ, г. Екатеринбург*

E-mail: elena.selivanova.09@urfindex.ru

MODERN ART AND RELIGION: PROSPECTS OF COOPERATION

Elena Selivanova

*post graduate student of Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Russia, Yekaterinburg*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изменению положения религии в современном обществе, формированию новой религиозности, межрелигиозным отношениям, оказывающим влияние на различные сферы общественной и духовной жизни человека. Для примера приводится ситуация с так называемым «современным искусством», часто находящимся в конфронтации с религией. В качестве перспектив построения диалога между искусством и религией рассматривается архитектура, выявляется единый архетип православного храма и мечети.

АБСТРАКТ

The article is devoted to the change of position of religion in a modern society, formation of the new religion, inter-religious relationships which

при этом вынужден двигаться по «маршруту», подготовленному для него предусмотрительным глоссатором. Значительное количество маргиналий задаёт направление мысли читателя в системе координат, очерченных глоссатором. Свободное пространство для самостоятельного толкования текста, несомненно, остаётся — как известно, одного толкования текста, прочитанного двумя людьми —, текст не может быть прочитан одинаково двумя людьми —, но оно строго ограничено. Образно глоссы можно представить себе в качестве дидактического корсета произведений, который невозможно отложить в сторону или проигнорировать. Здесь стоит заметить, что объём поясняющего текста (включая маргиналии) столь велик, что у читателя даже может сложиться впечатление, что эпос был написан для комментариев, а не наоборот. Открытым остаётся вопрос, каково было в таком случае основное намерение глоссатора, чем он руководствовался в своей работе. Возможно, свет на этот аспект сможет в ближайшее время пролить пока также не найденный ответ на вопрос об идентификации личности глоссатора ростовского средневекового бестселлера о хитром лисе.

Список литературы:

1. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Мн.: Литература, 1998. — 1391 с.
2. Библия в синодальном переводе. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://bibleonline.ru/bible/rus/> (дата обращения 02.04.2014).
3. Колесниченко А.В. Практическая журналистика: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. — 191 с. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.evalist.narod.ru/text28/0034.htm> (дата обращения 02.04.2014).
4. Brandes K.W.H. Die jüngere Glosse zum Reinke de Vos. Halle a. S.: Niemeyer, 1891. — 315 S.
5. Reynke Vosz de olde / nuge gedruket mit sidikem vorstande vnd schonen figuren / erluchtet vnd vorbetert. Rostock: L. Dietz, 1539. — 272 Bl.

4.4. ЖУРНАЛИСТИКА

РЕАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ЖУРНАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Камзин Какен

д-р филол. наук, профессор КазНУ им. аль-Фараби,

Республика Казахстан, Алматы

E-mail: kaken-kamzin@mail.ru

REAL SPACE IN JOURNALISTIC TEXTS

Какен Камзин

doctor of Philology, professor KazNU of a name of al-Farabi,

Republic of Kazakhstan, Almaty

АННОТАЦИЯ

В предлагаемой статье автор, опираясь на теоретические установки известных ученых, рассматривает феномен дистанционности в журналистике с нескольких адресных точек. По его мнению, наряду с объективным сканированием, существует и субъективное освоение этой формы познания. Определение дистанции на практике, по утверждению исследователя, связано еще и с психологическим восприятием человека таких контрастов, как приятный/неприятный, привязанность/отчуждение.

АВСТРАКТ

In this article the author, based on the theoretical setting of famous scientists, examines the phenomenon of remoteness in journalism from several targeted points. According to him, along with objective scanning, there is a subjective development of this form of knowledge. Determination of the distance, in practice, according to the researcher, also connected with the psychological perception of a person of such contrasts as affection / dislike, attachment / alienation.

Ключевые слова. Физическая номенклатура измерения; коммуникационное пространство; автономизация свободы личности; тренд души.

Keywords: Physical nomenclature of measurement; communication space; personal freedom autonomism; soul trend.

Понятие дистанции по своей сути неотделимо от осязаемого нами пространства и времени, т. е. к нему по определению приложима физическая номенклатура измерения. И эти узнаваемые обозначительные черты могут быть конкретного визуального или умозрительного характера. Заметим, в современных спортивных репортажах или сообщениях комментатор четко констатирует то, что спортсмен такой-то сумел пробежать сто метров за девять целых, восемь сотых секунд, а в площадно-событийных репортажах — столкновение общественных отношений, увеличение дистанции между бедными и богатыми слоями населения и т. д. Надо признать, что о таком разнообразном раскладе жизненного пространства писали в свое время немецкий социолог, один из основоположников конфликтологии Георг Зиммель и французский философ Пьер Бурдьё. Именно в контексте подобных трансформаций явственно просматривается некий соединительный шов пространства (пространства) и времени, который и указывает на направление и динамику всего и отдельного процессов. С понятием удаленности и приближенности связаны не только физическое поле человека, но и реакция природы на антропогенные притязания. Есть возможность на этот контент взглянуть с конструктивизма следующего жанрового текста: «Буря бушевала над Петербургом, как возвращенная молодость. Редкий дождь хлестал в окна. Нева вспухала на глазах и переливалась через гранит. Люди пробегали вдоль домов, придерживая шляпы. Ветер хлопал черными шинелями. Нечаянный свет, зловещий и холодный, то убывал, то разгорался, когда ветер вздувал над городом полор облаков», — то это — уже не стандартная конкретика, а поэтико-философское размышление о природе, времени и человеке, художественное фиксирование исчезающих планов [1, с. 282]. Такой же заряд, на мой взгляд, заложен в авторском расхождении, о том, как «русским читателям, не привыкшим читать писателей, которые любили Россию издавека. Гоголь и Тургенев нередко нуждались в удалении от родины, чтобы воспламениться ностальгическим зарядом» [2]. Другими словами, пространственное удаление, духовная эмиграция личности, стремление к расширению коммуникационного пространства, поиск на чужбине планетарного признания тоже ассоциируется в некоторой степени с дистанцированием от национального реализма и автохонного гнезда. А если увязать дистанционное отдаление с историческими феноменами, то такую судьбу на стороне избрали для себя Абунасар аль-Фараби, Захираддин

Мухаммед Бабур, Махмуд Кашгари, Мухаммед Хайдар Дулати, Мустафа Чокай и многие другие высокородные и высокочтимые деятели культуры — выходцы из кипчакских городов Казахстана. Их было географическое переселение, как ни странно, стало и их современным триумфальным социально-культурным возвращением в родной шанырак, возвращением через многие годы, через много веков. Воистину правы были древние мудрецы, говорившие, *gemtbeet, esto mento*.

Дистанцирование с одной стороны — это отстраненность от чего-то неприемлемого, кого-то неприятного, с другой — автономизация свободы личности и взглядов, стремление к независимому мышлению в обременительной среде. Подолгу проживающие в отдалении от Родины, за рубежом, поэт и ученый О.О. Сулейменов, писатель и знаток тюрко-монгольской цивилизации М.М. Магзун, хорошо знают, что творческий профессионализм копируется и на расстоянии, и когда становится возможным, он обязательно потребовит культурно-социальную среду. Эти интеллектуалы, конечно, никогда не забывают, что любое табу — это искусственное ограничение конкуренции и поэтому некоторые готовые жанровые формы они хранят в депозитариях своей памяти.

Согласно платоновской «притче о пещере» и ее истолкованию Мартином Хайдеггером, человек поставлен в своем бытии к свету так, что видит не весь познаваемый мир в целом, а лишь функционалирующие перед его взором тени тех видов, которые в про свете истинного бытия остаются у него за спиной. Он стеснен такой мотивированностью, но сыздавна привык к ней. Освобождение от этого плена для него и окружающих равносильно бунту или взрыву. Тем более, что поворот к свету за спиной, а далее и выход из пещеры ослепляет человека, вызывая резь в глазах. В этом слепящем клипше становится страшно. «Переходы из пещеры в дневной свет и оттуда обратно в пещеру требуют каждый раз изменения привычки глаз от темноты к свету и от света к темноте».

Платон делает акцент на важности медленного и постепенного привыкания телесного ока, — выплывающего трендом души в целом, — к свету и к темноте. Правильность взгляда разумного ока требует правильной направленности души, а это, в свою очередь, предполагает привыкание всем существом тела соответствующего положения.

Вот такое личностное восприятие света и тьмы, притягивание к себе былой реальности отмечено в эссе яркого журналиста-аналитика К.С. Смаилова, посвященное Ануару Алимжанову и Олжасу Сулейменову — духовно близких ему людей, и успешно творивших в сложносочиненную эпоху, латентных оппозиционеров к установочной действительности, во многом не разделявших ее идеологических

и идейных концептов. Если у А.Т. Алимжанова и О.О. Сулейменова неприятие советского позитивизма выражалось в выдвигании на передний план национального, тюркского и восточного содержания, то у К.С. Смаилова преобразование общественного мышления — это энергичная апелляция к качественно иному будущему, т. е. к современному внедрению модерна и инноваций в сознание просвещенного авангарда.

Известный публицист, один из активных участников строительства культуры в Казахстане, К. Смаилов, в свойственной только ему манере видения окружающего мира, выхватывает с почтительного расстояния, многомерного потока событий самые выигранные моменты и образы типа: «Заседания в кинотеатре всегда проходили в творческой атмосфере. На одном студийном заседании я написал на ключе бумаги следующие слова: «Чем отличается Олжас от Ануара? Ануар считает себя виноватым перед всеми людьми, а Олжас считает всех людей виноватыми перед ним».

Если они иногда и не сходились характеристиками (многие даже специально стравливали), но, когда дело касалось истории страны, сложных судьбоносных коллизий народа, они наперекор всему приходили к единому мнению. Потому что очень уважительно относились к своему народу и очень высоко ценили его. Когда разговор шел именно об этом, всякое наносное, никчемное отсеивалось, забывалось» [3, с. 136.]. Естественно, в авторском сжатом и сфокусированном размышлении о товарищах, о себе четко вырисовывается т. н. эффект транскрипции, в результате которого за скобками неизбежно остаются неписанные компоненты речи — интонация, смех, мимика, жесты, зрительная коммуникация — т. е. все то, что не позволяет неподготовленному читателю отличить живую речь от написанного текста.

XXI век расстремовжил покой социума, расширил возможности информационного обмена, по-своему решил проблему научно-культурного общения, интензивного освоения иного ментального формата. Иначе говоря, глобальная интервенция неумоимо проталкивается почти по всем направлениям общественной жизни, ее активизация напрямую связана с экономическими и культурологическими проектами Западной цивилизации. Но сие всеобъемлющее мультикультурное пламя, как отмечают сами апологеты западников, за последние годы начало медленно угасать. Таким образом, многовековая общечеловеческая практика снова подтвердила, что у демократии не только западноевропейское лицо и она всегда крепко привязана к национальному почве. Паллиатив по этому трагичному диагнозу, не проходит.

Разумеется, отечественная журналистика стала более открытой иностранному влиянию, а по сему казахской национальной журналистике нужен качественный рывок. Учитывая всевозрастающую актуализацию этой проблемы и в свете обязательных инструкций и постановлений ученые-гуманитарии, во чтобы это не стало, хотят прорваться за кордон. Все желают стать первооткрывателями, все ищут незанятые ниши, даже несколько не задумываясь о том, востребованы ли их исследования по литературе и общественным наукам там, на Западе. Ведь ментальность, высокая планка языковой нормы, ценностные ориентации, постоянное обращение к собственной культуре и истории — критерии сугубо национальные. И не считаясь с этой данностью никак нельзя.

Виртуозно играя на этих контрапунктах, некоторые деятели от масс-медиа сисхологично-менторским тоном заявляют, что наша/ваша школа журналистики находится в роли догоняющего. Так могут говорить только те интерессты, которые напрочь лишены казахской речевой компетенции и имеют о ней весьма отдаленное представление, не способны глубоко выныкнуть в проблематику и стилистику национальной публицистики. Абсолютно ясно также, что самодостаточная казахская журналистика не может и не обязана говорить со своим народом на английском, французском или на других языках мира. Другое дело, когда журналисты-международники успешно работают за рубежом, оперативно передавая на родину остроконтурные новости и социально значимые факты. Журналистика не должна еще уподобляться мессии, указывающей самые верные пути преодоления социально-общественного кризиса. Об этом в достаточной убедительной форме писал в свое время К. Смаилов: «Некоторые руководители требуют от журналистов, чтобы они не ограничивались голгой критикой недостатков, но и рассказывали о способах их искоренения, указывали пути их преодоления. Если журналист на данном этапе смог бы найти легкие пути преодоления экономического кризиса, тогда он бы сидел не в редакции, а дома правительства. Каждый обязан быть на своем месте и заниматься своим делом. Журналист убедительно и доказательно должен отстаивать правду, не идти на компромисс с несправедливостью (согластись, это не совсем легкая ноша!), а искоренение имеющихся недостатков — это прямая обязанность руководителя правительства» [4, с. 47.]. Эти черты, несомненно, были присущи самому автору этих строк, который любил писать не только убедительно, но и убежденно.

Факты получают осмысленность в свете их отнесения к ценности, т. е. осмысленности различных возможностей их видения действующими

субъектами. Именно ценностная интерпретация, по Максус Веберу, учит понимать соотношение факта и его мыслительной обработки, раскрывает перед исследователем то, что смутно и неопределенно «кошущается». В ходе такой интерпретации вовсе не нужно выносить какое-либо оценочное суждение. Мы находим фактическое свидетельство тому, о чем здесь говорит немецкий историк культуры М. Вебер, у Ануара Алиджанова, писателя, публициста, общественного и государственного деятеля: «Я знаю и люблю стихи Рудаки. И меня вдруг взволновала мысль о том, что, быть может, я сижу на том самом месте, по которому тысячу лет назад проходил сам великий Устод.

Его окружали эти горы. Так же шумели сады, так же буйствовала река, и орлы так же беззвучно носились в небе. Только следы Устода на тропинках и дорогах уже скрылись в пыли веков. Но их можно оживить в своем воображении и попробовать пройти по ним, бережно снимая покрывало с тех далеких дней, как влажный ветер в полдень тихо снимает сонливость со старого цветка.

Поэт любил цветы. Любил розы. Наверное, тогда было много роз в садах. Да и сейчас их немало. Вон они пылают меж яблонь» [5, с. 22.1].

Если М. Вебер ставит вопрос о доказательстве причинных соотношений между фактами, вычленимыми из бесконечности наблюдаемых явлений, то А. Алиджанов превращает это в возможную практику, максимально приближая к нам средние века, при этом не обращаясь напрямую к причинно-следственным сведениям. Конечно, достигается это не посредством простого «наблюдения», во всяком случае, если под этим понимать лишнее всяких предположек мысленное «фотографирование» всех происшедших в данном пространственно-временном отрезке физических и психических процессов, даже если бы это было возможно. Непосредственная наглядность исторического факта претерпевает в контексте веберовского рассуждения парадоксальную метаморфозу: она должна быть мысленно представлена иной, чем есть на самом деле. Более того, что есть событие «на самом деле», просматривается только после ухода от фактичности в знание о нем. Следовательно, факт превращается в рассудительную действительность.

Чтобы описать сам факт от облобочки, О. Сулейменов всегда стремится оторваться от «массовой фактичности». Этот отрыв начинается уже при построении им пространства переменных и завершается расчетом опорных тенденций и взаимосвязей. В одном из своих изысканий он говорит, что «наша история — в слове, которое может стать археологическим материалом, документальным

свидетельством присутствия этноса в глубокой истории... Римский историк Тацит (I в. н. э.) говорит о кочевниках, обитавших в низовьях Дуная и степях Северного Причерноморья. Называет их *язугес*. В Большом Латинско-русском словаре это слово переводится — язуги. Вернее, перевели не слово, а окончание мн. числа — *es*. Считаю перевод удачным, потому как возможно и в оригинале значилось это окончание, правильно понятие и переведенное Тацитом на латинский. Если тюркское *язук* — «степь», «равнина» (от *jaz* — «разглаживай», «разравнивай») в славянском получило семантическое развитие — «степняк», тогда множественное число превратило слово в этноним-кличку **язук-и-язуги* — «степняки» [6, 46—47]. Здесь, как мне кажется, лингвистические персоналии начинают не наблюдаемую величину, а тип социальных явлений. Таким образом, у О. Сулейменова главенствующая абстракция превращает индивидуальное явление — т. н. живую фактичность — в событийную точку. В этом заключается существенное ограничение научного метода, составляющего, как показали неокантианцы, контраст «наглядной представляемости действительности». Начало рационального дистанцирования от «живого» во имя самого живого утверждалось ими не только для отрицания чувственной трактовки истины, либо плоского и поверхностного описания повседневных происшествий, но, прежде, всего во имя познания самого живого.

По утверждению неокантиста Генриха Риккерта, только тот может быть назван культурным человеком, кто в состоянии подвести в себе ритм жизни. Поэтому он и настаивал на высылке реальности за пределы разума, намеренно не замечая жизненных всплесков и стараясь спастись от него расстоянием. Согласно его теории, лишь понятие «ценности» дает возможность отличить культурные процессы от явлений природы. Понятие ценности позволяет нам выделить из множества индивидуальных предметов действительности нечто цельное, отделить существенное от несущественного. «Лишь отнесение к ценности определяет величину индивидуальных различий. Благодаря им мы замечаем один процесс и отодвигаем на задний план другой. Ни один историк не интересовался бы теми однократными и индивидуальными процессами, которые вызываются Возрождением или романтическию школою, если бы эти процессы благодаря их индивидуальности не находились в отношении к политическим, эстетическим или другим общим ценностям» [7, с. 315—316]. Понятие культуры — это некоторая целостность, в которой историческое познание отделяет существенное от несущественного. Исследователь выделяет, таким образом, кроме понятия бытия, понятие ценности, которое находится как бы наравне с бытием. Ценность — это нечто,

которое существует, это «смысл, лежащий над всяким бытием». Более того, область ценностей не только находится вместе с бытием, дополняет его, но и, согласно Риккерт, в определенном смысле противостоит сфере бытия. Он пишет, что мир состоит из действительности и ценностей, рассматривает ценности как некое «совершенно самостоятельное царство, лежащее по ту сторону субъекта и объекта» [8]. Определенные дистанции, на мой взгляд, связано еще и с психологическим восприятием человека таких условий, как приятны/неприятны, свой/чужой, привязанность/отчуждение.

Известно, что линейная методика измерения расстояния характеризуется однородностью, непрерывностью, упорядоченностью и необратимостью, его движение воспринимается в виде длительности и последовательности процессов и состояний окружающего мира. В связи с этим можно выделить концептуальную дистанцию, относительно к сфере объективно существующего внешнего мира, и чувственно-образную — к сфере восприятия реальной действительности отдельным человеком.

Современная публицистика активно работает в среде динамического реализма, ей свойственна временная дискретность, т. е. способность воспроизведения наиболее существенных фрагментов, отрезков жизни. Отбор этих эпизодов определяется эстетическо-познавательными намерениями автора. Таким образом, в большинстве случаев реальное время намного длиннее публицистического. В этом проявляется закон журналистской экономики, дистанционно-временного сжатия, искусственного отсекаания подлинного расстояния и времени.

Список литературы:

1. Алимжанов А. Собрание сочинений. Том третий. Алма-Ата: Жазушы, 1990. — 512 с. — С. 22.
2. Баяева Т. Ирландец вне Ирландии // Литературная газета, 8—14 февраля 2012.
3. Муртаза Ш., Смаилов К. Елим саган айтам, ел басы сен де тында. Алматы: Казакстан, 1998. 176 б. — 47 б.
4. Павловский К. Г. Золотая роза. М.: Советский писатель, 1983. 368 с. — С. 282.
5. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. — М.: Наука, 1997. 532 с. — С. 315-316.
6. Риккерт Г. О понятии философии / Г. Риккерт // Логос. М.: Тип. Рус. Тава, 1910. — Кн. 1. — С. 19—61. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.gumer.info/bogoslov_Vaks/Philos/FilesFers.

7. Смаилов К. С. Жеті кыр, бір сыр/Энуар мен Олжас. Алматы: Атамұра, 2000. 224 б. — 136 б.
8. Сулейменов О. Тюрки в доистории. О происхождении древнетюркских языков и письменностей. Алматы: Атамұра, 2002. 320 с. — С. 46—47.

МЕТОД ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

Кодола Наталья Валерьевна

канд. мед. наук, доцент
Московского педагогического государственного университета,
РФ, г. Москва
E-mail: vkodola@mail.ru

JOURNALISM PHILOLOGICAL RESEARCH METHOD

Natalia Kodola
candidate of pedagogic sciences, associate professor
of Moscow State Pedagogical University,
Russia, Moscow

АННОТАЦИЯ

На основе анализа взглядов исследователей на теоретические представления сущности филологической науки и анализа взглядов на журналистику как ее предмета, определена область противоречий, искажающих результаты исследования журналистики, проводимые общенаучными методами, и на основе выявленных противоречий продемонстрировано направление поиска путей преодоления возможных заблуждений в филологическом исследовании журналистики.

АВСТРАКТ

Based on the analysis of researchers' opinions upon theoretical understandings of philological science implication and upon journalism as its subject matter the contradiction scope has been defined, where contradictions distort results of journalism research conducted with a help of general scientific methods. A series of define contradictions the avenue of searching the ways to overcome possible mistakes in journalism philological research has been presented.